

Молотьба хлеба в деревне

И каждый луч - священная гора,
Горящая медовым зноем лета,
Распластан диск, и черная дыра
Теней быков их тяжестью согрета.
Хмельное от летящего зерна,
Соломенное жмурится светило.
Была земля от нежности черна,
Ах, как ее любовь озолотила!

Темней ярмо у белого быка,
Взнесенный хлыст обманчив, как погода.
Ложится на вспотевшие бока
И на вершины движущихся сводов
Крестьянская ладонь.
Набитые зерном,
Лежат мешки, округлы и упруги.
Мир сторожит мальчишка с тихим псом,
Пока над жарким, солнечным гумном
Слетает с высоты по всей земной округе
Зерно.

Попарный мир в ладонях солнца пляшет,
Отцовский окрик вол смахнет хвостом,
И снова семя в плоть земную ляжет,
В барашках дым сгустится над котлом.
И в белом мать сойдет навстречу дому,
С корзиной и с охапкой дров в руке,
По солнечным ресницам, как по трону,
Как робкий луч по высохшей щеке.
Соломенное солнце хрустнет желтым,
И смотрит мать, как прежде всем светила...

...Казалась память выцветшей и стёртой –
О, как ее любовь позолотила...

Праздник Святого Георгия

Какой холодной белизной ночь измеряет жажду духа...
Разбитой вдребезги казной цвет утешает бедность слуха.
Святой Георгий, в дом без кровли прими смирение овец,
Рука с хлыстом и рог воловий – пастух, гонец или отец?

Белый к белому идет,
Тайна к небу кротко льнет,
Бричка с матушкой моей
Свадьбы сельской веселей.
На соседней крыше в белом
За столом она сидела,
Там по-прежнему невесты
Стерегут пустое место,
Мальчик в белом за спиной -
Не гадайте: мой, не мой...
У стены по лестнице
Пустота невестится.

Какой продрогшей желтизной день укрывает память тела,
В руинах воздух нарезной, в глазницах – зубчатая стена.
Святой Георгий, в чистом поле поднимет руки мой отец,
Разбойник то ли, воин то ли – над ним поклонится, как жрец.
Черный к черному идет,

Черный белого убьет,
Кони будут в стороне
Грезить в желтой пелене.
За холмами ищет пес
Теплый след овечьих грез,
Белый конь и черный конь
Греют отчую ладонь.
Здесь погасла, там зажглась
Света призрачная вязь.
Белый храм, колокола,
День и ночь, как два крыла...

Какая алая печаль в застольном роге расплескалась!
Коль недопитого не жаль, то переполненное – малость.
Святой Георгий, в дальнем поле трава некошена, чиста,
Моя ли боль, твоя ли радость – сиянье белого листа?..

Восхождение

Вереница белых звуков в рог охотничий трубит,
Тур в горах, лисица в поле, а в ладонях птица спит.
Восхождение дымится, рог ветвится до небес,
Между пнями бродит пьяно голубой, как утро, лес.

Дом без кровли, конь без сбури,
Пой, Нико, и пей до дна,
Утро льет в ладони струи
Пенной прыти молока.

Ветерком трава играет, перекатываясь всласть,
Две косули в поле тают, воды сбрасывает снасть,
Бьет серебряная рыба воздух росписью хвоста,
По воде рыбак шагает, улыбаясь неспроста.

Ночь без дня, а день без ночи,
Пой, Нико, и пей до дна.
Краски с неба льются звонче
Алой повести вина.

Непричесанное солнце львенком нежится во сне,
Ломтик дыни прячет нежность у оленя на спине,
Сбросят краски покрывала, схвачен заяц синевой,
По отрогам Авлабара бродит мальчик сам не свой.

Дом без кровли, ночь без дома,
Пой, Нико, и пей до дна.
Жизнь - предсмертная истома,
Смерть - рождение и судьба

Не молитва

Сначала я отдала мир, в котором нет меня,
и осталась у моря, чтобы ловить брызги снов.
Когда соленые капли ночевали в моих глазах,
они думали, что я им снюсь.

Потом я отдала любовь, пока ее не забрали,
и назвала твоим именем море, чтобы слушать его.
Когда волны выбросили меня на берег,
они думали, что у меня нет крыльев.

Потом я отдала им море, чтобы вспоминать о нем,
а соль притаилась в трещинах памяти,
чтобы я забыла о жажде.
И я написала стихотворение

Теперь мне его некуда спрятать.

Ладонь на горлышке сосуда

Вдоль неразлучницы-полыни, по узким улочкам села
В плену беспомощной гордыни я ожерелья слов несла,
Чтобы кольцом родных запястий и неизбежностью конца
Венчать утраченное счастье с полетом нового птенца.

Ладонь на горлышке сосуда и свет, скользящий по стене -
Ухода горестное чудо напомнит ветром обо мне.
Ступеней тающая груда ведет к молчанью родника,
Плеснет кувшин восторг остуды на шаль белее молока

И дань взволнованных капелей падет в ложбину пустоты,
Мы коронованы апрелем, чтоб рисовать его листья,
А если бабочка случайно ресниц коснется на лугу,
Я кружева ее отчаянья в ладонях детства сберегу.

Я боюсь

У моего молчания тонкие крылья.
Я сдерживаю их трепет
и боюсь поранить своим голосом.
Еще я боюсь своего дыхания,
когда оно смелеет от тишины.

Когда ты молчишь,
я знаю, что ты вспоминаешь о бабочках
с рвущимися крыльями.
Не бойся, - они умеют летать высоко,
чтобы не огорчать тебя.

Я услышу слова,
которые ты не скажешь опять.
А когда дыхание упадет в траву,
Это значит, что я его уже не боюсь.